

Который из трех?

На террасе роскошной старинной дачи статской советницы Марьи Ивановны Лангер стояли дочь Марьи Ивановны Надя и сынок известного московского коммерсанта Иван Гаврилович.

Вечер был великолепный. Будь я мастер описывать природу, я описал бы и луну, которая ласково глядела из-за тучек и обливала своим хорошим светом лес, дачу, Надино личико... Описал бы и тихий шёпот деревьев, и песни соловья, и чуть слышный плеск фонтанчика... Надя стояла, опершись коленом о край кресла и держась рукой за перила. Глаза ее, томные, бархатные, глубокие, глядели неподвижно в темную зеленую чашу... На бледном, освещенном луной личике играли темные тени пятнышки: это румянец... Иван Гаврилович стоял позади нее и нервно, дрожащей рукой пощипывал свою жидкую бородку. Когда ему надоедало щипать бородку, он начинал поглаживать и трепать другой рукой свое высокое, некрасивое жабо. Иван Гаврилович некрасив. Он похож на свою маменьку, напоминающую собой деревенскую кухарку. Лоб у него маленький, узенький, точно приплюснутый; нос вздернутый, тупой, с заметной выемкой вместо горбины, волос щетиной. Глаза его, маленькие, узкие, точно у молодого котенка, вопросительно глядели на Надю.

Вы извините меня, говорил он, заикаясь, судорожно вздыхая и повторяясь, извините меня, что я рассказываю вам... про свои чувства... Но я вас так полюбил, что даже не знаю, в своем ли я уме нахожусь, или нет... В груди моей такие чувства к вам, что и выразить этого невозможно! Я, Надежда Петровна, как только вас увидал, так сразу и втюрился, полюбил то есть. Вы извините меня, конечно, но... ведь... (Пауза.) Приятная нонче природа! Да... Погода великолепная...

И при такой самой природе как приятно, знаете ли-с, любить такую приятную особу, как вы... Но я несчастлив!

Иван Гаврилович вздохнул и дернул себя за бородку.

Очень несчастлив-с! Я вас люблю, страдаю, а... вы? Нешто вы можете чувствовать ко мне чувства? Вы образованная, ученая... всё по-благородному... А я? Я купеческого звания и... больше ничего! Как есть ничего! Денег-то много, но что толку с тех денег, если нет настоящего счастья? Без счастья с этими самыми деньгами одно только окаянство да... пустоцвет. Ешь хорошо, ну... пешком не ходишь... пустая жизнь... Надежда Петровна!

Ну?

Ни... ничего-с! Я хотел, собственно говоря, вас побеспокоить...

Что вам?

Можете ли вы меня любить? (Пауза.) Я предлагал вашей маменьке... мамаше то есть, свое сердце и руку относительно вас, и оне сказали, что всё от вас зависит... Вы можете, говорит, и без родительской воли... Как вы мне ответите?

Надя молчала. Она взглянула в темную зеленую чащу, где еле-еле обрисовывались стволы и узорчатая листва... Ее занимали движущиеся черные тени от деревьев, которые слегка покачивались от ветерка своими верхушками. Молчание ее душило Ивана Гавриловича. На глазах его выступили слезы. Он страдал. Ну что ежели она откажет? думалось ему, и эта невеселая дума морозом резала по его широкой спине...

Сделайте милость, Надежда Петровна, проговорил он, не терзайте мою душу... Ведь я, ежели лезу к вам, то от любви... Потому... (Пауза.) Ежели... (Пауза.) Ежели вы не ответите мне, то хоть умирай.

Надя повернула свое лицо к Ивану Гавриловичу и улыбнулась... Она протянула ему свою руку и заговорила голосом, который прозвучал в ушах московского коммерсанта песнью сирены:

Очень вам благодарна, Иван Гаврилович... Я уже давно знаю, что вы меня любите, и знаю, как вы любите... Но я... я... Я вас тоже люблю, Жан... Вас нельзя не полюбить за ваше доброе сердце, за вашу преданность...

Иван Гаврилович раскрыл широко рот, засмеялся и, счастливый, провел себя ладонью по лицу: не сон ли, мол?

Я знаю, что если я выйду за вас замуж, продолжала Надя, то я буду самая счастливая... Но знаете что, Иван Гаврилович? Подождите немножко ответа... Ответить положительно сейчас я не могу... Я должна этот шаг обдумать хорошенько... Подумать надо... Потерпите немного.

А долго ждать?

Нет, немного... День, много два...

Это можно-с...

Вы сейчас уедете, а ответ я дам письмом... Уезжайте сейчас домой, а я пойду думать... Прощайте... Через день...

Надя протянула руку. Иван Гаврилович схватил ее и поцеловал. Надя кивнула головой, поцеловала воздух, спорхнула с крыльца и исчезла... Иван Гаврилович постоял минуты две-три, подумал и отправился через маленький цветник и рощу к своим лошадям, которые стояли на просеке. Он раскис и ослабел от счастья, точно его целый день продержали в горячей ванне... Он шел и смеялся от счастья.

Трофим! разбудил он спавшего кучера. Вставай! Едем! На чай пять желтеньких! Понял? Ха-ха!

Между тем Надя прошмыгнула сквозь все комнаты на другую террасу, спустилась с этой террасы и, пробираясь сквозь деревья, кусты и кустики, побежала на другую просеку. На этой просеке ожидал ее друг ее детства, молодой человек лет двадцати шести, барон Владимир Штраль. Штраль миленький толстенький немец-карапузик, с уже заметной плешью на голове. Он в этом году кончил курс в университете, едет в свое харьковское имение и пришел в последний раз, проститься... Он был слегка пьян и, полулежа на скамье, насвистывал Стрелочка.

Надя подбежала к нему и, тяжело дышащая, утомленная бегом, повисла на его шее. Звонко хохоча и теребя его за шею, за волосы и воротник, она осыпала его жирное, потное лицо поцелуями...

Я тебя уже целый час жду, сказал барон, обнимая ее за талию...

Ну что здоров?

Здоров...

Едешь завтра?

Еду...

Противный... Возвратишься скоро?

Не знаю...

Барон поцеловал Надю в щеку и ссадил ее с колен на скамью.

Ну, будет целоваться, сказала Надя. После... Впереди еще много времени.

Теперь потолкуем о деле. (Пауза.) Ты, Воля, подумал?

Подумал...

Ну что ж, как? Когда... свадьба?

Барон поморщился.

Ты опять о том же! сказал он. Ведь я тебе еще вчера дал... положительный ответ... Ни о какой свадьбе не может быть и речи! Я тебе еще вчера сказал...

Зачем заводить разговор о том, что уже тысячу раз было пересказано?..

Но, Воля, должны наши отношения чем-нибудь кончиться! Как ты это не поймешь? Ведь должны?

Должны, но не свадьбой... Ты, Nadine, повторяю я в сотый раз, наивна, как трехлетнее дитя... Наивность к лицу хорошеньким женщинам, но не в данном случае, душа моя...

Не хочешь жениться, значит! Не хочешь? Ты говори прямо, бессовестная твоя душа, говори прямо: не хочешь?

Не хочу... С какой стати я буду себе портить карьеру? Я люблю тебя, но ведь ты сгубишь меня, если я на тебе женюсь... Ты мне не дашь ни состояния, ни имени... Женитьба должна, мой друг, быть половиной карьеры, а ты... Плакать нечего... Надо рассуждать здраво... Браки по любви никогда не бывают счастливы и оканчиваются обыкновенно пуфом...

Лжешь... Ты лжешь! Вот что!

Женись, а потом с голоду умирай... Нищих плоди... Рассуждать нужно...

А отчего ты тогда не рассуждал... помнишь? Ты тогда дал мне честное слово, что ты на мне женишься... Ведь дал?

Дал... Но теперь изменились мои планы... Ведь ты не выйдешь за бедного человека? Зачем же ты заставляешь меня жениться на бедной? Я не имею желания поступить с тобой по-свински. У меня есть будущее, за которое я должен ответить пред своею совестью.

Надя утерла платком глаза и вдруг неожиданно, нечаянно бросилась опять на шею к православному немцу. Она припала к нему и принялась осыпать его лицо поцелуями.

Женись! залепетала она. Женись, голубчик! Ведь я люблю тебя! Ведь я жить без тебя не могу, моя прелесть! Ты меня убьешь, если расстанешься со мной! Женишься? Да?

Немец подумал и решительным тоном сказал:

Не могу! Любовь хорошая вещь, но на этом свете она не прежде всего...

Так не хочешь?

Нет... Не могу...

Не хочешь? Верно, что не хочешь?

Не могу, Nadine!

Подлец, негодяй... вот что! Мошенник! Немчура! Я тебя терпеть не могу, ненавижу, презираю! Ты гадок! Я тебя и не любила никогда! Если я в тот вечер и поддалась тебе, то только потому, что считала тебя честным человеком, думала, что ты женишься на мне... Я тебя и тогда терпеть не могла! Хотела выйти за тебя, потому что ты барон и богач!

Надя замахала руками и, отступив на несколько шагов от Штраля, пустила в него еще несколько колкостей и отправилась домой... Напрасно я ходила сейчас к нему, думала она, идя домой. Ведь знала же я, что он не захочет жениться? Вот негодяй! Дура была я в тот вечер! Не поддайся я ему тогда, теперь бы не было надобности унижаться перед этой... немчурой.

Придя во двор дачи, Надя не пошла в комнаты. Она походила по двору и остановилась у одного слабо освещенного окна. Окно это выходило из комнаты, в которой обитала на летнем положении молодая, только что выпущенная из консерватории, первая скрипка, Митя Гусев. Надя начала глядеть в окно. Митя, плечистый, курчавый блондин, недурной собой, был дома. Он без сюртука и жилетки лежал на кровати и читал роман. Надя постояла, подумала и постучала в окно. Первая скрипка подняла голову. Кто там?

Это я, Дмитрий Иванович... Отворите-ка окно на минутку!..

Митя быстро надел сюртук и отворил окно.

Идите сюда... Лезьте ко мне... сказала Надя.

Митя показался на окне и через секунду был уже возле Нади.

Что вам угодно?

Пойдемте! сказала Надя и взяла Митю под руку.

Вот что, Дмитрий Иванович, сказала она. Не пишите мне, голубчик, любовных писем! Пожалуйста, не пишите! Не любите меня и не говорите мне, что вы меня любите!

Слезы сверкнули на глазах Нади и полились струей по щекам, по рукам...

Слезы были самые настоящие, горячие, крупные...

Не любите меня, Дмитрий! Не играйте для меня на скрипке! Я гадкая, противная, нехорошая... Я такая, которую нужно презирать, ненавидеть, бить...

Надя зарыдала и положила свою головку на грудь Мити.

И я самая гадкая, и мысли мои гадкие, и сердце...

Митя растерялся, забормотал какую-то ерунду и поцеловал Надю в голову...

Вы добрый, хороший... Я, честное слово, люблю вас... Ну, а вы не любите меня!

Я люблю больше всего на свете деньги, наряды, коляски... Я умираю, когда думаю, что у меня нет денег... Я мерзкая, эгоистка... Не любите, душечка, Дмитрий Иванович! Не пишите мне писем! Я выхожу замуж... за Гаврилыча... Видите какая я! А вы еще... любите меня! Прощайте! Я вас буду любить и замужем... Прощай, Митя!

Надя быстро обняла Гусева, быстро поцеловала его в шею и побежала к воротам.

Придя к себе в комнату, Надя села за стол и, горько плача, написала следующее письмо: Дорогой Иван Гаврилыч! Я ваша. Я вас люблю и хочу быть вашей женою... Ваша Н.

Письмо было запечатано и сдано горничной для отправки по адресу.

Завтра... что-нибудь привезет... подумала Надя и глубоко вздохнула.

Этот вздох был финалом ее плача. Посидев немного у окна и успокоившись, Надя быстро разделась, и ровно в полночь дорогое пуховое одеяло, с вышивками и вензелями, уже грело спящее, изредка вздрагивающее тело молодой, хорошенькой, развратной гадины.

В полночь Иван Гаврилович шагал у себя по кабинету и мечтал вслух.

В кабинете сидели его родители и слушали его мечтания... Они радовались и были счастливы за счастливого сына...

Девушка-то она хорошая, благородная, говорил отец. Советника дочь, да и красавица. Одна только беда: фамилия у нее немецкая! Подумают люди, что ты на немке женился...

